

Ачкасова Галина Леонтьевна
Курский государственный университет
ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОДЫ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «КОСЦЫ»
(К ВОПРОСУ ШКОЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ)

Рассказ И.А. Бунина «Косцы» школьные программы предлагают изучать в 5-6 классах. Читатели этого возраста воспринимают его как произведение, в котором нарисованы яркие картины прекрасной природы, счастливой жизни людей, занятых вдохновенным трудом. Обращается внимание на присутствие в рассказе песни, и все вместе это образ прекрасной Родины. Такое понимание текста при признании возможности личностного, субъективного его толкования не раскрывает глубинного смысла рассказа, выявляет поверхностное скольжение по сюжету. Встает вопрос: насколько целесообразно включать это сложное для понимания произведение в программу 5-6 классов? Ответ оставим за рамками статьи, он далеко не однозначен.

Наша задача – показать, как поиск фольклорных кодов (элементов) в рассказе И.А. Бунина «Косцы» меняет однозначное благостное понимание этого произведения как выражения автором светлого, радостного чувства любви к Родине и рождает иное восприятие, восприятие на уровне «недоразгаданности», неисчерпаемости смысла, в котором заключены и светлая любовь, и неизбывная тоска.

Мы в предложили этот рассказ для анализа в 10 классе. Первоначальное его восприятие почти полностью совпадает с восприятием пятиклассников: «...главная тема – Родина, которую автор любит...», «...прекрасные картины русской природы...», «...люди счастливы на этой земле...». Однако, появляются и некоторые сомнения, например: «...

неожиданный финал, что он значит?», «... во всем какая-то грусть...», «...многое непонятно...».

Знакомим с историей создания рассказа. В заметках Бунина «Происхождение моих рассказов» читаем: «Когда мы с моим покойным братом Юлием возвращались из Саратова на волжском пароходе в Москву и стояли в Казани, грузчики, чем-то нагружавшие наш пароход, так восхитительно сильно и дружно пели, что мы с братом были в полном восторге... и все говорили: «Так... могут петь свободно, легко, всем существом только русские люди». Потом мы слышали, едучи на беговых дрожках с племянником и братом Юлием по большой дороге, как в березовом лесу рядом с большой дорогой пели косцы — с такой же свободой, легкостью и всем существом. Написал я этот рассказ в Париже, в 1921 году, вспоминая Казань и этот березовый лес». Затем вспоминаем факты биографии писателя: Бунин не принял Октябрьскую революцию, в 1920 г. навсегда покинул Россию и в год написания рассказа живет в Париже.

Просим сравнить воспоминания с картиной, которую рисует Бунин в рассказе. Выясняем: оба эпизода из воспоминаний объединяет песня, она наполняет увиденное писателем особым лиризмом. И все-таки это реальные картины, реальная действительность. Рассказ же — воспоминание о прошлом, говорят ученики, «о жизни яркой, безоблачной, счастливой», «...нарисованные картины ассоциируются с райской жизнью, «...они восхитительны и почти нереальны, похожие на сказку».

Теперь предлагаем ученикам посмотреть на этот текст через призму фольклора. Делать это будем, следуя за автором по тексту, отыскивая в нем фольклорные коды.

Начнем с выяснения вопроса — что такое код. Это ключ к разгадке чего-то, в нашем случае — к пониманию смыслов, заложенных в художественном тексте. Обратившись к словарям, определяем смысловое поле понятия «фольклорный код»: это — ключ к пониманию уникальных особенностей художественного текста (в нашем случае — литературного,

вербального), в котором закодированы доставшиеся от предков знания, позволяющие увидеть глубинные смыслы произведения. Для нас таким кодом будет набор образов, которые связаны в сознании с каким-либо комплексом стереотипов. Это «культурное бессознательное, объединяющее людей в единый этнос, общую культуру».

Предваряем анализ теоретическими сведениями о том, что стиль писателя формируется под влиянием множества факторов. Одним из таких является наличие фольклорного элемента. Характер обращения к фольклору, способы его включения в текст на разных уровнях (от цитирования до воспроизведения синтаксических конструкций) во многом определяют особенности художественной системы писателя. Тема «Бунин и фольклор» достаточно глубоко исследована в литературоведении. Фольклор в творчестве Бунина – часть его художественной системы.

Теперь предлагаем найти в тексте сами коды и посмотреть, какие смыслы они нам откроют. Искать их будем на сюжетном, мотивном, образном и других уровнях структуры текста.

Читаем начало рассказа: «Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее - и пели. Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки...».¹ Обращаем внимание на второе предложение. Оно напоминает начало сказки, зачин. (Давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве ...).

Дальше следует описание природы. В этом фрагменте фольклорные элементы переплетаются с поэтическим изображением вечера, создавая удивительную по красоте эпическую картину: «Было предвечернее время июньского дня... Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось

¹ Здесь и далее текст цитируется по: Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.4 М.: Художественная лит. 1988, с.221-225.

на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой - или благословенной - богом стране».

Школьники отмечают: «...здесь все спуталось, нет времени, нет географического обозначения места – то ли забытая, то ли благославенная богом страна...», «...реальность похожа на сказочный пейзаж», «... в нем есть что-то библейское... стадо овец, старик-пастух... столпы света ...». И вот появляются они и песня – душа русского народа – и все это среди вечной полевой тишины, простоты и первобытности. Эта картина и реальная, и одновременно нет. Нет времени, есть универсальное вечное пространство. Школьникам трудно выразить чувства, которые рождает это описание, но они ощущают главное — нереальность происходящего.

Обращаемся к образам косцов. Ученики находят в них черты былинных и сказочных героев. «Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, — в обычае, в повадке, в языке, — опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами». Видится цветная картинка, «почти лубочная» (замечание одной из учениц): темные кожанные бахилки контрастируют с белыми онучами, светлые чистые рубахи с яркими красными воротом и ластовицами нарядны и праздничны. Пьют они долго и сладко из деревянных жбанов родниковую воду. Они часть природы, автор говорит о косцах — «как звери», но это сравнение не принижает их, наоборот, они чисты и естественны в проявлении своих чувств.

Далее следуют еще более нереальная картина: «Я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они

только засмеялись: «Ничего, они сладкие, чистая курятина!». Замечаем, что мухомор в русском фольклоре загадочное растение и связано с Бабой Ягой.

Следующий эпизод — описание песни: «Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» — подвигались по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того». И снова — какая-то сказочная нереальность. Косьба — тяжелый труд, и представить поющих в этот момент людей трудно, тем более поющих так.

Передавая впечатление от песни, Бунин в 12 строчках шесть раз повторяет сочетание «прелесть эта была...». Повтор — характерный для фольклорной поэтики прием, он придает тексту особую певучесть, напоминает заговор, а само слово «прелесть» наполняет текст нежностью. В целом описание пения, «характеристика» народной песни — поэтический образ носителя фольклора. Поэтический — не реальный.

Приблизиться к пониманию произведения помогает авторское объяснение смысла песни. «Ты прости-прощай, родимая сторонущка!» — говорил человек — и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг — беспредельная родная Русь». У человека есть родина, потому «неизбывная радость» слышна в песне, которая полна «безнадежности». Бунин говорит о кровной близости человека с «глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами», говорит, «что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитячко!». Тут нереальность изображаемого усиливается и достигает своей кульминации. Фантасмагория — так можно определить финал произведения. Появляются «птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга ... ковры-самолеты, шапки-невидимки, ... реки молочные, ... клады самоцветные» и т.д. Они помощники человека. Постепенное накопление фольклорных элементов обрушивается потоком фольклорных образов, воплощающих

мечту о Родине, на которой «бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие — и невозвратимые». Прекрасные яркие картины счастливой жизни сменяются финалом, полным отчаяния и безысходности: «...миновала и для нас сказка: отказались от нас паши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклęcia, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел божьему прощению». Вот она развязка — трагическая, потому как нет надежды.

Неожиданно по-иному вдруг стали восприниматься последние слова — Париж. 1921. Школьники увидели в них не просто констатацию даты написания произведения, а почувствовали «чужое, далекое».

Возникают соображения, связанные с понятием жанра. Почему это рассказ? Есть ли в нем та событийная линия, которая определяет жанровую принадлежность рассказа? Обращаем внимание на тот факт, что исследователи творчества Бунина отмечают частое присутствие в его произведениях мотива воспоминания. Содержание этого текста и есть воспоминание, сложное по эмоциональной насыщенности, что позволяет соотнести его с жанром элегии, в котором ностальгия является доминирующей эмоцией. Жанр этого произведения можно определить и как лирическую миниатюру, и как стихотворение в прозе.

Школьники несколько растеряны. Они увидели связь текста с фольклором, почувствовали неоднозначность и сложность эмоционального содержания, ощутили неопределенность жанровой принадлежности. Так о чем же это произведение?

Теперь предлагаем информацию о похоронных и поминальных плачах. Если позволяет время, можно коротко сказать о функциональной направленности произведений этого жанра, но главное — помочь ученикам понять феномен потери близкого. Когда мы теряем что-то дорогое нам, то воспоминание об этой утрате приобретают идеализированный, иллюзорный характер. В похоронных причитаниях, плачах ушедший предстает как

идеальный образ, а его потеря рождает чувство безысходности. Опоэтизированная характеристика умершего, поэтизация природы, состояние одиночества, тоски — таково содержание плача.

Возвращаемся к рассказу (заметим, жанровая принадлежность произведения остается для учеников открытым вопросом). Теперь он воспринимается как плач о родине, образ которой в сознании писателя идеализирован. Произведение написано в момент тяжелого, безнадежного чувства. И дело не только в том, что он вдали от России, а и в том, что его родины больше нет, она навсегда ушла в прошлое. Есть другая Россия, которую он не принял и никогда не примет. Главный лейтмотив произведения — ностальгия, но не та легкая, светлая, которую испытывает человек, например, по ушедшей молодости или первой любви, это чувство какого-то вселенского масштаба, это особая ностальгия, ностальгия эмигранта, который знает, что умрет на чужбине, это безмерная печаль по тому, чего уже нет и никогда не будет. Потому это прошлое так возвышенно-нереально, и возникает это возвышенно-нереальное благодаря причудливому сплетению фольклорных элементов и поэтической традиции. «Косцы» — большая и цельная метафора, передающая кровное родство писателя с миром, который навсегда ушел в вечность.